

Нань Люцзин перевел взгляд на цельнозерновой хлеб, который он выудил из сундука еще в самый первый день.

[Цельнозерновой хлеб]

[Статус: Свежее]

Как ни посмотри, описание предмета состояло всего из двух лаконичных строчек, демонстрируя откровенную, даже не скрываемую лень системы. С другой стороны, у тостового хлеба, который он бесплатно выменял по купону в лавке местных жителей, описание было подробным и развернутым по всем пунктам.

Нань Люцзин потер подбородок: «Что бы это могло значить? С виду и то, и другое — обычный хлеб, но здесь тоже существует деление на классы?»

Очевидно, что разница крылась вовсе не в сорте муки — глупо думать, будто хлеб из муки высшего сорта автоматически котируется выше цельнозернового. О таком слышать не приходилось.

«Скорее всего, дело исключительно в происхождении». Девяносто процентов предметов, выпадавших из сундуков, несли на себе отчетливый след Голубой планеты. И практически у всех подобных вещей подробные описания отсутствовали. Нань Люцзин к этому моменту вскрыл уже немало ящиков, и единственными исключениями стали саженец яблони со знаками вопроса в названии, низкокачественный ром и чертежи.

Эти три позиции куда больше походили на продукты этого мира, нежели на товары с Голубой планеты.

При этом и саженец, и ром достались ему из дубовых бочонков.

Означает ли это, что из бочонков вероятность выпадения подобных предметов изначально выше? Но ведь те же чертежи чаще всего попадались именно в деревянных ящиках...

— Ладно, все равно не разберусь, — вздохнул Нань Люцзин, после чего распаковал цельнозерновой хлеб и принялся за еду.

Шкала выносливости была заполнена до краев, но он банально испытывал голод. Человек не может регулярно просыпаться на рассвете и оставаться без завтрака: показатели в меню — это одно, а физиология — совсем другое. Если чересчур фанатично гнаться за эффективным расходом выносливости и принципиально не брать в рот ни крошки до тех пор, пока шкала не опустеет, то, по ощущениям Нань Люцзина, заработать гастрит можно в самые кратчайшие сроки.

Небольшие издержки неизбежны, так что это можно считать долгосрочной инвестицией в собственное здоровье.

Поскольку цельнозерновой хлеб пролежал в инвентаре без малого четыре дня, он уже успел... знатно зачерстветь. Нань Люцзин с трудом пережевывал сухие куски, пытаясь хоть как-то смочить грубое тесто слюной, и в какой-то момент даже посинел, едва не поперхнувшись.

Испугавшись перспективы глупо задохнуться, он был вынужден развести костер и на скорую руку вскипятить немного воды.

Простой водосборник поставлял пресную, но далеко не дистиллированную воду, так что ради собственной безопасности ее следовало предварительно кипятить.

Параллельно с завтраком Нань Люцзин извлек на свет последний предмет, обнаруженный в почтовом ящике. Это был небольшой бумажный клочок розоватого оттенка — до боли знакомый формат обычного купона. Парень заподозрил, что это была своеобразная ответная благодарность от почтовой птицы за оставленные сардины.

[Купон на поддержку начинающего фермера]

[Категория: Купон]

[Выдан Ассоциацией Урожая. Каждому держателю купона бесплатно предоставляется один комплект простых сельскохозяйственных инструментов!]

— А вот это как раз вовремя. — При виде возможности нахалю разжиться инвентарем глаза Нань Люцзина азартно блеснули. Пускай инструменты шли с приставкой «простые», но дареному коню в зубы не смотрят. В любом случае это лучше, чем ничего.

— Нужно будет от души поблагодарить птицу. — Стоило ему обзавестись пашней, как тут же бесплатно подоспели и инструменты — подобные совпадения в жизни случались редко. Судя по всему, почтовая птица, которая ранее помогла ему раздобыть карточку с низкокачественной пашней, прекрасно поняла его намерения разбить на острове огород и целенаправленно подобрала для него именно этот купон.

Нань Люцзин споро заполнил лотерейную открытку, опустил ее вместе с купоном обратно в ящик и твердо решил сегодня наловить крупной рыбы, чтобы до завтрашнего утра выложить угощение на крышку.

Отношения могут оставаться крепкими и долговечными только при условии взаимного обмена любезностями. Для Нань Люцзина прокачка уровня лояльности почтовой птицы несла исключительно выгоду, так что он собирался выложиться на полную.

Вскоре стрелки часов подошли к 8 утра — времени отлива.

Учитывая вчерашний ночной опыт, Нань Люцзин не стал очертя голову выбегать наружу, а занял позицию у окна. Ферма располагалась на самой высокой точке острова, и южное окно, выходящее аккуратно на побережье, позволяло держать под контролем большую часть пляжа.

В случае если на берег снова вздумает высадиться какая-нибудь агрессивная тварь, у него в доме будет гораздо больше времени на принятие контрмер.

Вскоре он увидел, как приливные воды с гулом отступают, вздымая белоснежные шапки пены, и прямо из этой волны на берег вылетело черно-белое существо. Оно двигалось подобно веселому карпу, перепрыгивающему через легендарные врата дракона, вот только за этими вратами его встретило не золотое сияние трансформации, а обычный песчаный пляж. Черно-белое животное с размаху ткнулось мордой в песок, озадаченно крутануло хвостовым плавником и, осознав, что вернуться обратно в море не получается, жалобно и тревожно заскулило.

Звук был точь-в-точь как у щенка, которого ненароком пнул прохожий.

Нань Люцзин, наблюдавший за этой сценой от начала и до конца: ...

И надо же было додуматься заняться серфингом в такой момент, вот и сел на мель, чудик.

Подождав еще пару минут и не обнаружив никаких иных подозрительных движений или шумов, парень убедился, что на острове царит тишина, нарушаемая лишь скорбными воплями незадачливого визитера. Нань Люцзин в досаде почесал затылок и толкнул входную дверь.

— Эх, одни хлопоты с вами.

Стоило его фигуре показаться на пляже, как он тут же привлек внимание бедолаги. Звуки, напоминающие кипение чайника, стали еще громче: существо обиженно захныкало, а его влажные черные глаза неотрывно следили за приближающимся человеком, транслируя абсолютно осознанную мольбу о помощи.

Нань Люцзину обычно не хватало альтруистического порыва, когда дело касалось проблем себе подобных. Обладая развитой эмпатией, он осознанно избегал контактов и лишних реакций, из-за чего со стороны порой казался холодным и равнодушным человеком. Но вот когда речь заходила о животных, он никогда не мог заставить себя пройти мимо.

Тут уж ничего не поделаешь. Люди — существа порочные, а животные всегда безвинны.

Ну, осьминоги и крабы не в счет, это сугубо пищевые ингредиенты.

Бессильно вздохнув, он подошел вплотную, остановился перед черно-белой тушей и протянул руку, коснувшись ее гладкой, антрацитово-черной головы.

Кожа оказалась скользкой и очень влажной.

Животное замерло, покорно принимая ласку и лишь преданно глядя на него снизу вверх.

— И как мне тебе помочь? — тихо спросил Нань Люцзин.

— У-у... — жалобно отозвалось существо.

— Даже не надейся, сдвинуть тебя с места я не смогу, — развел руками парень. Это был совсем не тот случай, что со вчерашней гигантской медузой. Та тварь хоть и весила прилично, но состояла в основном из воды, так что при должных усилиях ее можно было поддеть и оттащить.

А этот товарищ? Он даже не относился к категории гигантских морских монстров системы. Обычный детеныш косатки, но его чистый вес определенно тянул никак не меньше, чем на пару тонн.

В сложившихся обстоятельствах, если только Нань Люцзин не найдет способ раздобыть рычаг Архимеда, сдвинуть косатку в одиночку силами одного человека было абсолютно невыполнимой миссией.

Единственное, что он мог сделать — это притащить обрывки парусины, хорошенько вымочить их в море и накрыть ими тело кита, после чего периодически обливать его морской водой, чтобы не допустить пересыхания кожи.

Примерно через час приливные волны сами заберут этого маленького неудачника обратно в океан.

К счастью, если с остальными материалами у Нань Люцзина сейчас было туго, то вот обрывков парусины оставался приличный избыток. Он перетащил к берегу все запасы ткани,

прополоскал их в морской воде и аккуратно расстелил на теле косатки, сумев защитить от солнца большую часть туши.

После этого он принялся ведро за ведром носить воду в пластиковом контейнере и отливать животное. Он остановился лишь тогда, когда с каждого лоскута парусины начало обильно капать, и, тяжело дыша, выкроил минутку, чтобы собрать выброшенные на берег ресурсы.

Благодаря мокрой ткани, защищавшей от прямых солнечных лучей и сохранявшей влагу, состояние косатки заметно улучшилось. Она смиренно лежала на песке, напоминая огромную надувную игрушку, едва заметно шевелила хвостом, а ее глаза неотрывно провожали каждое движение Нань Люцзина.

Обойдя пляж по периметру, парень раздобыл: мокрая доска х4, обрывок парусины х2, пустая бутылка х3, деревянный ящик х1.

Объемы припасов после окончания обучающего режима упали до таких крох, что сердце кровью обливалось. Нань Люцзин уже понемногу начинал привыкать к этой скупости системы и всерьез размышлял над тем, как бы соорудить заграждения для перехвата ресурсов, уносимых течением мимо острова.

Еще вчера он мог бы лично прыгнуть в воду и поплыть вдогонку за ящиком, но в условиях перманентной угрозы высадки морских хищников этот метод больше не котировался.

Возможно, стоит использовать старые обрывки рыболовных сетей и выставить в море своеобразный улавливатель?

Пока он предавался этим абстрактным размышлениям, его руки со всей серьезностью и бережностью упаковали единственный найденный сундук. Столь трепетное отношение к невзрачной коробке привлекло внимание косатки.

— У-у? — она посмотрела на человека, затем перевела взгляд на четырехугольный предмет, и в ее глазах отразилось отчетливое недоумение, которое сменилось чем-то похожим на задумчивость.

В этот момент Нань Люцзин снова подошел к ней с пластиковым ведром и запустил второй раунд водных процедур.

Несмотря на то, что этот парень был еще несмышленным детенышем, габариты у него все равно были внушительные, так что предыдущие порции воды для него оказались каплей в море. Чтобы не дать своим былым трудам пойти прахом, Нань Люцзин раз за разом черпал воду, нес к киту, выливал и возвращался обратно, превратившись в живой конвейер. Разумеется, времени на полноценный сбор морепродуктов у него не осталось, но раз уж он принял решение спасти животное, следовало довести дело до логического конца.

Нань Люцзин никогда не бросал начатое на полпути.

Пока он мотался туда-сюда, косатка не сводила с него глаз. В конце концов Нань Люцзин, тяжело дыша, оперся ладонями о колени, выудил планшет, мазнул взглядом по экрану и, отвернувшись, тихо выцедил: «Блин».

То-то он почувствовал такую резкую усталость — обычное обливание водой, оказывается, тоже расходовало очки выносливости!

— Все, не могу больше, надо передохнуть. — Волоча ноги, он подошел к косатке, с размаху уселся на песок, достал из инвентаря стеклянную баночку и дрожащими пальцами открутил крышку. Подцепив пальцами одну устрицу в чесночном масле, он отправил ее в рот.

Аромат масла, чеснока и специй слился в единый солоноватый аккорд; нежное, жирное мясо приятно жевалось, оставляя легкое послевкусие черного перца. Всего одна устрица мгновенно сняла первый налет усталости.

Косатка тут же заинтересовалась золотистым блеском стеклянной тары и сочным белым мясом устриц внутри. Она перевела взгляд с банки на Нань Люцзина и издала утробное низкое пощелкивание.

— Тебе нельзя, — отрезал Нань Люцзин. С какой стати дикому животному употреблять человеческие специи и соусы? Хотя стоп, а им вообще это можно? Нань Люцзин засомневался, из-за чего его голос к концу фразы приподнялся на вопросительной ноте: — ...Наверное?

Косатка чутко уловила колебание в голосе человека и мгновенно пошла в атаку, обиженно запричитав:

— У-у-у... У-у-у...

— Точно нельзя, если у тебя прихватит желудок, кто за это будет отвечать? — Нань Люцзин остался непреклонен. Пошарив в рюкзаке, он извлек на свет свои последние две маленькие сардины и, удерживая их за хвосты, покрутил перед носом косатки: — Вот это тебе можно. Будешь?

Косатка с явным пренебрежением покосилась на сардин — такая мелочь ей даже на один зуб не наберется!

Ну да ладно, исключительно из уважения к человеческому подарку.

Она нехотя приоткрыла пасть, и Нань Люцзин точным движением забросил рыбу внутрь. Челюсти косатки сомкнулись.

— ... — Как и ожидалось, добыча оказалась слишком мелкой, она проскочила в глотку, так что кит даже вкуса почувствовать не успел.

Эх.

Косатка тоскливо шевельнула хвостом и с сочувствием посмотрела на человека, который полулежа сидел, привалившись к ее боку.

Какое же это слабое и беспомощное существо, если ему под силу поймать лишь такую жалкую, мелкую рыбешку.

Когда она вместе с бабушкой охотилась на косяки сардин, они просто врезались в самую гущу, и за один укус можно было проглотить несколько сотен штук. А этот человек смог раздобыть всего две.

И те отдал ей.

Хоть человек и слаб, но душа у него добрая.

Да еще и водой ее поливает.

Ничего не поделаешь. Косатка качнула хвостом, принимая решение: так и быть, она возьмет этого хрупкого двуногого под свою опеку. Как только она вернется в родную стихию, обязательно наловит для него крупной рыбы и принесет к острову!

В этот момент Нань Люцзин резко выпрямился и устремил взор в сторону открытого моря.

Там, разрезая водную гладь, один за другим показались черные серповидные плавники, а следом — темные массивные спины.

На горизонте выныривала целая стая косаток — на вскидку не меньше тридцати-сорока особей. Большую часть составляли взрослые киты, а самый крупный экземпляр в длину достигал без малого 9 метров. Он высоко приподнял голову над водой, продемонстрировав характерные овальные белые пятна за глазами.

Надо признать, наблюдать такую картину вживую с близкого расстояния было невероятно величественным зрелищем. Нань Люцзин похлопал маленькую косатку по боку:

— Похоже, твоя семья приплыла по твои душу.

— У-у?

Малыш не мог пошевелиться и обернуться, поэтому лишь издал недоуменный возглас.

И в то же мгновение над океаном разнесся протяжный, гулкий китовый крик. Подхваченный морским ветром, он полетел над волнами и ударил аккуратно по ушам застрявшего детеныша.

Маленькая косатка мгновенно оцепенела, ее хвост, до этого лениво ходивший туда-сюда, замер как вкопанный.

— У-у... У-у-у-у...

— У-у...

Нань Люцзин снова похлопал малыша по спине. Человек, абсолютно не владеющий китовым языком, со спокойной душой резюмировал:

— Они зовут тебя.

Маленькая косатка: ...

— Ты что, сбежал из дома втайне от взрослых, чтобы поиграть? Они, похоже, не на шутку перепугались за тебя.

Маленькая косатка: .....

Нань Люцзин убрал стеклянную баночку, уперся рукой в бок лежащего рядом кита, поднялся на ноги и на прощание еще пару раз похлопал его по гладкой коже:

— Ну не переживай ты так, совсем скоро прилив заберет тебя, и ты воссоединишься со своей семьей.

Маленькая косатка: .....

На самом деле, косатки — это общепризнанные морские гопники и хулиганы, животные с весьма специфической культурой общения.

Когда они переговариваются друг с другом, это в основном чистой воды отборная ругань.

Так что до ушей маленькой косатки сейчас доносилось примерно следующее...

Старая матриарх (глава клана косаток): Ах ты ж мелкий ушлепок, страх потерял [ЦЕНЗУРА], вот погоди, я тебе лично башку откручу [ЦЕНЗУРА], кусок ты [ЦЕНЗУРА]!

Можно лишь констатировать, что Сяо Наню очень повезло не знать китового языка.

<http://bllate.org/book/17628/1644636>